

ЕЛЕНА АНДРЕЕВА

ИСТОРИИ, ПРОИСХОДЯЩИЕ У МОРЯ

История первая.
РОМАНИСТКА

Чем бы ты ни занималась...

Чем бы ты не занималась, а взор твой почему-то все время устремлен в яркую голубизну небосвода. Отыскивает там темную точку самолета, выныривающего из-за молочных облаков и оставляющего за собой след в виде белой полоски. Ревностно наблюдает за его передвижением.

...Но настанет час, и ты поднимешься в воздух. Ты будешь сидеть в удобном кресле, листать мятый журнал и посмеиваться над нерасторопным стюардами: «Где же вы? Когда, наконец, принесете шашлык и яблочную запеканку? Да, и не забудьте про кофе с ликером!»

Время от времени ты ласкаешь взором свой зелененький чемоданчик, в который уже с весны уложены яркие, в ромашках шлепанцы и новый купальник. Купальник ждет не дождется того момента, когда ты напялишь его и испытаешь на прочность в соленых пенистых волнах или в чистой голубой воде бассейна, в который, благодаря очень раннему времени, еще не успели упасть тела соседей по отелю...

...И вот долгожданный час отлета наступает...

Далеко внизу раскинулось сверкающее море! Оно настоящее! Оно волнует и пугает одновременно. Кажется, оно никогда не закончится, и уставший самолет недотянет до берега и в конце концов клюнет носом воду. Но все в порядке. И вот уже внизу проплывают яркие разноцветные крыши миниатюрных гостеприимных домиков. И машут тебе своими ветвями пальмы...

И наплевать, что точно такие же пальмы высажены у тебя на родине. **Эти** пальмы выглядят более высокими и величественными. Словно колонны в храме Антонио Гауди.

...Облом начинается, когда ты ступаешь на здешний пляж, густо заставленный шезлонгами и разноцветными зонтами. А под ногами – черный клейкий песок, вернее, нечто, напоминающее песок.

Это не **твое** море, манящее тебя шелковым на ощупь ребристым дном, в котороеходишь постепенно, а вокруг сплывают стайки рыбок, деликатно огибая твое тело. **Твое** море ласковое, но не настоящее.

...А **это** – настоящее море. И ты погружаешься в него, переставая видеть свои конечности в сгущающейся синеве, и чувствуешь, как постепенно становишься жертвой чего-то (или кого-то) изголодавшегося...

Кто-нибудь, вытащите меня отсюда!!!

...Она не зря выбрала этот столик рядом с бассейном на открытом воздухе. Сюда никто и никогда не подсаживался. Это был тот момент, когда ее одиночество носило романтический характер.

Она аккуратно расставила тарелки с едой. Упс... Внезапно налетевший ветерок сдул со столика бумажную салфетку. Белый треугольник поплыл по голубоватой глади бассейна, быстро намок и пошел ко дну.

«Вот так же и я когда-нибудь здесь кану, если не научусь сражаться с волнами», – подумала она.

Ее размышления прервало появление двух взбалмошных теток не первой молодости, непонятно откуда взявшихся. Они обе шлепнулись на свободные стулья, вперив в нее восторженные взгляды. У одной тетки сквозь полупрозрачный халатик проглядывали дряблый живот и вислые титьки. Лицо ее покрывал толстый слой косметики. Вторая, чуть помоложе и поподтянутой, облачена была в мини-бикини. По ней видно было, что она всячески пытается вернуть себе молодость в массажных са- лонах. Именно она и заговорила первой:

– Мы долго гадали: вы это или не вы...

– И к какому выводу пришли? – досаду удалось скрыть, хотя и с трудом.

– Это **вы!** – закричали обе тетки. – Мы нашли в стеклянном шкафу ваш роман.

Это **вы** его туда положили?

Стеклянный шкаф стоял в холле отеля и был набит разными книгами на нескольких языках. Это были книги, прочитанные постояльцами отеля и великодушно выставленные для всех желающих.

– Определенно не я, – решительно сказала она. – Наверное, тот, кому я до смерти надоела.

Тетки дружно замахали руками:

– Что вы, что вы! У вас такой чудесный стиль, вы не можете надоест! – закричала тетка в полупрозрачном халате.

– Вот только мы с Тamarочкой как-то не совсем поняли конец последнего романа, – заявила тетка в мини-бикини. – Ваша героиня, ведь она так влюблена! А в результате хочет убить...

– Все мы жертвы чьих-то чувств, – она пожала плечами, в тщетной надежде отделаться от навязчивой парочки. Но не тут-то было. Теток понесло дальше:

– У нас завтра в планах «Троя». Не хотите ли присоединиться?

– Нет, не хочу, – решительно отказалась она.

– Вы не любите оперу?

– Нет, не люблю.

– А джаз? А рок-музыку? А какой кинорежиссер вам больше всего нравится?

– **Ларс фон Триер**, – бухнула она первое, что пришло в голову.

– Кто-кто?! – тетки чуть не подскочили на стульях. – А вы забавная. Тamarочка вот равнодушна к Никите Михалкову.

– Сочувствую ему, – немножко иронии не повредит.

– Ха-ха-ха! – зашлись смехом тетки. И тут же, без перехода: – У вас очень оригинальный купальник. Вы его тут брали?

– Михалков подарил, – уже с легким раздражением ответила она.

– Надеюсь, его не ждет участь вашего героя? – съязвила та, которую звали Тamarой.

– Тома, у тебя слишком развязный юмор, – тетка в мини-бикини легонько ткнула подругу локтем в бок. И тут же добавила: – Есть такая чудесная маска, подходит для тела и лица. Горчица с топленным молоком...

– Тетеньки, – не выдержала она. – Я что, так плохо выгляжу?

– Да что вы! – тетки вновь дружно замахали руками. – Наоборот, вы нам очень нравитесь! Вы просто потрясающе выглядите! И мы хотим знать секрет вашей изумительной кожи, лица и фигуры.

– Суп из акульих плавников, – полушепотом сказала она. И уже громче: – И ежедневно натошак стакан крови, взятой из таких зануд, как вы...

Тетки заржали и смылись так же молниеносно, как и возникли.

...Пожалуй, самое лучшее, что сейчас можно сделать – это заказать в номер бокал шампанского и запереться. А вечером усесться на балконе и наблюдать, как время от времени прямо над головой пролетают огромные пассажирские «Боинги» с горящими бортовыми огнями. Захватывающее, просто фантастическое зрелище. Также можно незаметно выскочить из отеля и помчаться в парк с водопадом. Там – кафешки под открытым небом, с мягкой мебелью, и трогательные теремки для уличных кошек...

Она очень любит пешие прогулки. Прогулки вдохновляют ее на творческий процесс. Она сама себе уже пообещала, что следующую книгу напишет исключительно о любви и дружбе! И никаких убийств! И – кто его знает – именно сейчас ей повезет, и произойдет в парке романтическая встреча!..

Мужчина средних лет и приятной наружности – он не заставляет себя долго ждать. Он возникает словно бы из ниоткуда и приближается. Видимо, он пока не догадывается, что моложе нее.

– Любите кошек? – интересуется мужчина.

– Да. Как и все живое. Как это море и это небо.

– Я могу составить вам компанию?

– Пока еще не знаю...

Она смущена.

Сквозь темные стекла очков мужчина видится ей импозантным.

– Ясно. Наверняка вы думаете, что перед вами маньяк.

– Вы догадливы, – улыбается она и позволяет взять себя под руку.

Она снова заперлась у себя в номере с балконом и видом на соседний отель. Там во дворе точно такой же бассейн – длинный, в обрамлении зеленой лужайки; в голубой воде плещется влюбленная парочка. Ей нет до влюбленных никакого дела. Впрочем, влюбленным до нее – тоже. Она возвращается в комнату и валится на широкую кровать, застеленную свежими простынями. Хохочет в подушку.

Маньяк и маньячка.

Завтра они встретятся вновь. На нейтральной территории.

В дверь постучали. Сначала негромко, потом все сильнее и настойчивей. Вставать страшно не хотелось, но все же пришлось.

Уф!!!

– Уж вы нас извините! Мы тут случайно разузнали, в каком вы номере!

На пороге стояли Тamarочка и ее подруга. На сей раз обе в невыносимо пестрых сарафанах на бретельках.

– Во-первых, просим извинения за вчерашнее, – затараторила та, что вчера была в мини-бикини. – А во-вторых, не подпишете нам вашу книжку?

– У меня нет ручки, – она пожала плечами.

– А мы вам принесем, через пять минут! Просто Тamarочка завтра уезжает...

– Счастливого пути.

– Какая вы, однако, – сказала Тamarочка с легкой завистью. – Мы думали, что вы недотрога. А вы вчера с таким **мачо** тут прощались....

Утром в ее голове сами собой сложились первые строчки нового романа. Начинался он так: «На берег Атлантического океана вынесло два обнаженных женских труп...»

История вторая.
«ВСЕ ПРОХОДИТ»

Жизнь заканчивается в последнюю очередь. Потому что сначала проходит детство. Затем – юность... и т. д. А вместе с ними проходят разные мелкие бедки – царапинки и порезы. Их не нужно уговаривать. И заговаривать тоже без толку. Они сами решают, когда им тебя покинуть. А вот **беды** порой остаются. И живут вместе с тобой до скончания твоего века.

...Ко всем этим выводам она придет значительно позднее. А пока что Танька сидит на влажном песке и пытается вылепить что-то вроде замка или, на худой конец, башенки. Но набегающие волны все смыывают. Башенки получаются с глубокими трещинками, а потом и вовсе разваливаются. Может, надо как-то передвинуть свою детскую задницу и сесть на другое место, подальше от воды? Но Танька – существо упрямое. Краем глаза она наблюдает за дремлющими родителями, которые закрылись от солнца панамками. И не только от солнца, но и от Таньки тоже. Так, по крайней мере, ей кажется. И чем больше ей это кажется, тем сильнее ненависть к родителям. Особенно к матери.

Говорят, Танька, когда родилась, даже сиську брезговала в рот брать. Словно она совсем другая и на свет появилась необычным, ведомым только дьяволу путем. Ведь Бог и дьявол – это, в сущности, одно и то же. Просто одно превращается в другое, когда это удобно и выгодно.

Когда Танька подросла и ей наконец перестали совать в рот всякую гадость (жидкие каши, супчики, кисели), она предпочла всему обычную воду из-под крана. Прозрачную, прохладную, абсолютно безвкусную, но чистую – без малейшей примеси чего-то ядовитого, людского. Имеющую право бурлить в водопадах кухонных кранов и мало кому доступных родниках, где-то в глубинах лесных чащ, – там, где блуждали Танькины фантазии. И там, куда она сама не всегда могла отправиться по своей воле.

Водохлеб! Так называли Таньку. А потом уже и грубиянкой окрестили. Водохлеб и Грубиянка. А все потому, что она на все вопросы предпочитала либо молчать, либо отвечать кивком головы. «Скажи что-нибудь тете... Хотя бы поздоровайся... Опять в рот воды набрала?.. Ты просто маленький крысеныш... Ты нас позоришь...»

Родители всегда оказывались за ее спиной в подходящий только для **них** момент, чтобы подсказать нужные **им** слова. Танькой руководили. Контролировали каждое ее нечаянно оброненное слово, не по адресу отпущенные вслух мысли. Танька чувствовала себя куклой-бибабо, которую надели на руку и кивали ее головкой, сгибая палец. Танька путалась в этих смутных полусонных лабиринтах взрослого воспитания. Спотыкалась о пороги чужого мнения. Она пыталась нащупать себя. Но ее было так мало всегда и везде, во всех ситуациях, что она ощущала себя просто липким маленьким лягушонком...

....А ведь так хотелось плыть самостоятельно, без всяких поддержек и направляющих пинков! Словно жизнь была морем – прохладным, соленым, с тугими накачивающими волнами, не знающими границ!

И она тоже не знала бы границ. Плыть, плыть, без помощи чужих рук. А не скрести пальцами ног по дну, судорожно вытянув подбородок, чтобы не захлебнуться. И не наглотаться песчинок с солеными водорослями.

Танька лепит зыбкий песочный ком и смотрит в сторону безграничной морской глади. Все ждет, когда, наконец, появится корабль, которой заберет ее туда, где бы все получалось...

... и где у нее были бы совсем другие родители – все понимающие. А не лежащие пластом под солнцем, изредка подымающие голову, чтобы сказать:

«А ну, надень панамку и живо под навес!»

Порой Танька ждет не только корабль, но и полусказочную рыбу-кита, огромную, как гора. Умную и дружелюбно настроенную по отношению к ней, к Таньке. Рыба-кит подплывет близко к берегу, окатит Таньку приветственным фонтаном и даст дельный совет...

Но рыба-кит все не приплывает. Как не появляется и корабль на горизонте. Словно это море слишком мелкое для таких чудес. И Танька продолжает лепить песочные замки на абсолютно пустынном – если не считать родителей – берегу. Одинокий лягушонок, поджимающий пальцы ног от колючих ракушечных обломков, с ног до головы покрытый солеными брызгами... и еще каким-то, похоже, мазутом, от которого потом придется отмываться целую неделю. К тому же и спина уже шипит от солнечных ожогов... Но все это не страшно.

Страшно будет, когда вечером соберутся гости. А саму Таньку поставят в угол за несносное поведение, точнее – за молчаливость, оскорбляющую чувства вежливых и добрых взрослых.

«Попроси прощения. Ну, пожалуйста, что тебе стоит. Ты уже третий час торчишь в углу, неужели это тебе нравится? Или тебе нравится показывать людям язык?»

Упрямая Танька не просто ведь стоит между кроватью и шифоньером. Она нащупывает босой ногой огрызок карандаша, который когда-то закатился в щель между плинтусом и стеной. Опускается на корточки, извлекает карандаш, затем принимается чертить на выцветших фиолетовых обоях какие-то иероглифы. А может, это планы сказочных городов или карты волшебных островов, в ее воображении плывущих по светло-фиолетовому морю; они медленно уплывают вдаль, за горизонт (горизонтом служит стенка шифоньера). На островах растут серо-зеленые пальмы, а под пальмами весело скачут черненькие человечки...

«Выходи-ка, грубиянка»

Таньку за руку выдергивают из угла. Карандаш падает, закатывается в ту же самую щель. А Таньку, неумытую, оставленную без ужина и без шоколадного пломбира, запирают в спальне. Туда беспрепятственно может проникнуть только ее рыжий кот Барсик. Он укладывается полумесяцем у Таньки в ногах; она чувствует стопами его шерсть, шелковую и прохладную, словно пляжный песок; она легонько поглаживает шерсть подушечками пальцев... и тотчас в ее стопу впиваются двадцать острейших когтков. Но это не больно, если только не выдергивать резко ногу. Это даже приятно. Словно естественное, природное иглоукальвание в биологически активные точки. Коготки вскоре втягиваются обратно, кот принимается громко мурлыкать. Постепенно мурлыканье переходит в сладкое посапывание.

«Спи, котик, спи. Одни мы с тобой остались на этом свете», – шепчет Танька и тоже засыпает.

...Родители уже битый час, как неподвижно лежат под навесом – верхней частью тела в тени, ногами – на солнце. Навес представляет собой низенький полог, натянутый между автомобилем и короткими деревянными колышками, вбитыми в песок. И Таньке кажется, что они уже умерли...

...Спокойно, говорит себе она. Возьми себя в руки. И в воображении рисует себе жуткую до обморока картину: она распахивает дверцы «Тойоты», потом берет под мышки папу, напрягаясь изо всех сил, волочит бездыханное тело в машину, потом то же самое проделывает с мамой. А дальше что? Ведь она совсем не умеет водить. Нет, она сумеет, конечно, вставить и повернуть ключ зажигания... но ведь перед этим надо будет залезть пальцами во внутренний кармашек папиных непромокаемых плавок и извлечь круглый красный брелок, в середине которого выдолблен белый вислоухий зайчик размером со спичечную головку... Таньку всю аж передергивает, стоит ей лишь представить, что она прикасается к мертвому телу, пусть это даже и родное тело.

А дальше... Дальше она жмет на газ и срывается с места, попутно сбрасывая с себя всю неуверенность, все сомнения, все опасения, все комплексы. И мчит, слегка покручивая руль, по гладкой и узкой дороге, идущей вдоль моря. А потом – поворот направо, и море останется за спиной, а впереди покажутся зыбкие в знойном мареве очертания города...

А дальше все происходит как в голливудском триллере. За ней гонятся полицейские машины с мигалками на крыше, вопя сиренами, а Танька не может остановиться – ее ноги не достают до педали тормоза...

... – Ты чего тут расселась и сидишь, и сидишь? Ждешь, когда твою панамку сдует в море? А кто за ней поплывет, за твоей панамкой?

Танькины фантазии прервал странный мальчик, подошедший неслышно и нависший над ней. С «усами» от шоколада. В ярко-красных трусах. Он придерживал их одной рукой (резинка, что ли, ослабла?), а в другой руке держал пластмассовую машинку с одним колесом.

– Летом шоколад не едят. Это очень вредно, – нравоучительно сказала Танька.

– А у меня нет шоколада.

– А это что? – Танька провела пальцем у себя под носом.

– Это родимое пятно, – сухо ответил мальчик, уже поняв, что общаться с новой знакомой будет не так-то просто.

– Родимое пятно? – удивилась Танька. – А ты случайно не с другой планеты?

– Я не с планеты, – обиженно ответил мальчик. – Я здесь живу.

– Где «здесь»? Прямо на пляже? – поддразнивает Танька, воодушевленная тем, что хоть кто-то попал в ее силки. – А ты хоть машину водить умеешь?

– Маленькую?

– Зачем маленькую? Большую, настоящую, вон как моя, – Танька обернулась к «Тойоте», возле которой, слава Богу, топтались «ожившие» родители.

– Пе-е-тя-я-аа! – донеслось вдруг откуда-то издалека.

– Ах, тебя еще и Петей зовут, – Танька улыбнулась странной улыбкой.

– А что в этом плохого? – ошетинился мальчик.

– Да ни-че-го. Просто я ненавижу имена, которые кончаются на «-тя», или «-ля», особенно «-ся». И еще ненавижу дурацкие вопросы.

– Танюш, айда в водичку, окупемся, поплаваем, – позвал отец, стоя наполовину в море.

– Танюш-манюш-ванюш, – не без удовольствия отомстил мальчик Петя.

Танька выпрямилась, возвысившись над Петей на целую голову, и вылила ему на макушку всю воду из ведерка, воду с мокрым песком на дне. И отступила, ожидая, что ее новый знакомый начнет распускать руки.

Но Петя остолбенел, не произнося ни слова. Он лишь опустил голову, разглядывая свой живот. Не только живот – весь мальчик был покрыт тонким слоем шоколадных песчинок.

...Я ожидала появления кита – большого, отважного, с влажной и крепкой спиной. Грозу морей и защитника всего живого на земле. Но увидела лишь смешные красные трусы и странное родимое пятно под носом. Мир по-прежнему несправедлив. Живя в нем, не следует рассчитывать на чудеса. Их в нем попросту не бывает.

...Я обязательно встречу тебя, чтобы доказать... неважно что. Но доказать, что я достоин большего, что я могу совершать чудеса, несмотря на твой надменный взгляд. Я растоплю твое сердце. И мы еще прогуляемся по пляжу, рука в руке. Молча. Встречая закат...

История третья.
ЧАЙКИ, УТКИ, ПСЫ

(Чайки) Вид влюбленных парочек, сидящих в обнимку на берегу, вызывал у Ольги умиление, смешанное с чувством легкой зависти. Их хотелось защитить от порывистого ветра, расставив руки, сложив ладони ковшиком. Где-то над головой слышался хохот чаек...

Она выудила из сумки кусок батона и стала крошить его и бросать в воду. Но глупые чайки почему-то оказывались либо далеко позади – сидели, мирно покачиваясь на морской ряби, наслаждаясь теплым деньком, либо кружились, хохоча, где-то далеко впереди. На плавающие куски хлеба они не обращали никакого внимания.

– Зажрались, – прокомментировал проходящий мимо пожилой мужчина в кепке.

– Серьезно? – отреагировала Ольга. – А я-то думала – во мне что-то не так...

Мужчина остановился.

– Да ладно, что в вас может быть не так? – сказал он. – Вы просто бросать не умеете. Ну-ка, дайте-ка мне.

Взяв из Ольгиных рук батон, мужчина стал отщипывать и высоко подбрасывать куски хлеба. Чайки ловили их на лету, постепенно скапливаясь в центре маленькой бухточки, но большая часть размокшего хлеба все еще плавала на поверхности моря.

– Здорово. Как вы это делаете?

– Их тут до вас уже накормили, – бросил мужчина, не ответив на вопрос, и зашагал своей дорогой.

Батон кончился. Последний кусок она кинула догадливой вороне, расхаживающей взад-вперед неподалеку.

Покинув побережье, Ольга медленно пошла по аллее Бульвара. На ходу она подбирала ярко-желтые листья с ровными и целыми краями. Почему бы не принести их домой и не соорудить икебану, вставив листья в расписной глиняный кувшинчик?..

– ...Скажите, вы верите в Бога?

Ольга подняла голову. Вопрошающая тетка выглядела ее ровесницей, небогато и безвкусно одетая, как часто бывает в таких случаях.

– А почему вы подошли именно ко мне? – Ольга выпрямилась. – Людей, что ли, мало гуляет в этих краях?

– Разве я вас как-то оскорбила? – нисколько не смутилась тетка.

– Да как вам сказать...

– Вот вы, наверное, заметили, что по всей Земле участились стихийные бедствия... – тетка решила пойти, что называется, «ва-банк».

– Каждое новое тысячелетие несет изменения в климате, – ответила Ольга, пожав плечами (вместо того, чтобы отвернуться и с гордым видом уйти!). – Отсюда все катаклизмы. А еще, говорят, полюса меняются местами.

– Это не совсем так, – живо возразила тетка. – Вы, должно быть, Библию не читали...

– Представьте себе, читала. И пришла к выводу, что человек кое в чем превосходит вашего Господа Бога. Я вижу, на что способны человеческий разум и человеческие руки. Поверьте, Всевышнему такие чудеса и не снились. Да и вообще, муж у меня – ученый-физик. А сын – кандидат исторических наук. Так что меня вам голыми руками не взять. Я даже не буду спрашивать, с какой целью вы подошли ко мне и задали вопрос...

Неудачливая проповедница укоризненно покачала головой – не стыдно, мол, про взрослого сына врать-то? Молодая еще... Она вздохнула и удалилась, всем своим

видом как бы говоря: «Ладно-ладно, мы еще пересечемся в этой жизни, посмотрим, кто из нас прав».

«Прямо булгаковский персонаж какой-то», – подумала Ольга. Все таки кормить чаек оказалось куда приятнее, чем просто слоняться по аллеям, в поисках сомнительных приключений.

– ...Ну как, нагулялась? – спросил муж, не отрываясь от газеты.

– Нет, не нагулялась, – ответила Ольга, переодеваясь в домашнее. – Ты же знаешь, как я обожаю это время года. Так бы гуляла и гуляла. Наверное, в прошлой жизни я была свободным человеком и много путешествовала.

– Кстати, ты вовремя вернулась, – сказал муж из-за газеты.

– У нас будут гости? – всполошилась Ольга. – Что ж ты не звякнул мне? Я бы хоть тортик к чаю купила.

– Да какие, к черту, гости! У нас будет конец света. Ну, не только у нас, а вообще. Вот тут в одной из колонок мелким шрифтом написано, что это произойдет седьмого октября в семнадцать ноль-ноль по местному. На часы глянь – осталось с гилькин...

(Море, только что искрившееся на солнце, покрылось бронзой. Поднялся ветер.)

– ...Я видела в бутике за углом белые кроссовки. Они стоят двести манатов, – неожиданно вспомнила Ольга событие двухнедельной давности.

– О, Аллах!.. – недовольно поморщился муж, опустив газету. – Я куплю тебе точно такие же, но в другом бутике и гораздо дешевле.

– Дешевая обувь унижает женское достоинство.

– А ты никому не говори, что носишь дешевую обувь.

– Скажи мне, о, самый начитанный в мире мужчина, – вкрадчиво начала Ольга, – правда ли, что твой прадед был обыкновенным чабаном и пас овец в горах?

– Ну да, – спокойно ответил муж. – И я не вижу в этом ничего позорного. Ни для него, ни для себя.

– Зато я вижу. Вот если б твой прадед был кандидатом...

– ...в депутаты? О, тогда бы ты щеголяла в сапогах от Дольче-Габбана. Но, видишь ли, дорогая, не все так просто было в судьбе моего прадеда, и деда, впрочем, тоже.

– Ты никогда не видел во мне женщину, – на глазах у Ольги вдруг выступили слезы. – Ты никогда не прислушивался к моим сокровенным желаниям...

– Что-нибудь стряслось? – посерьезнел муж. – Давненько я не выслушивал от тебя подобных вещей.

– Ну конечно, ведь ты думаешь, что если мне тридцать пять, то мне уже ничего не нужно на этом свете! Я могу ходить в чем попало и как попало выглядеть. Не потому ли ко мне липнут, как банный лист, всякие персонажи из сказок? В лохмотьях и с дурацкими вопросами...

– И кто там к тебе прилип, черт подери? – муж встал из-за стола.

(Ветер разгулялся не на шутку. Он дул изо всех щелей. Море почернело. Обезумевшие чайки подлетали к самым окнам.)

– А помнишь, – продолжала она, глядя в окно, – мы с тобой как-то прогуливались по Торговой...

– Мы с тобой часто гуляли по всяким людным местам, – поддержал муж, пытаясь предупредить приближающуюся грозу, которую опытным ухом уловил в словах жены.

– Так вот, я остановилась на полпути, чтобы проверить твою реакцию. А ты пошел дальше, как ни в чем не бывало...

– Должно быть, я просто задумался...

– Ты запросто мог потерять меня и вернуться домой один...

– Так, все, хватит! – вспыхнул муж. – Я тоже живой человек, и мне тоже есть что предъявить. Ты думаешь, мне нравятся твои прогулки в одиночку? Я и понятия не имею, где ты бродишь часами!

– А ты поразмысли, – зло бросила Ольга. – Нетрудно догадаться.

– Меня останавливают соседи, – продолжал он, не слыша слов жены, – и спрашивают: «Что случилось с твоей женой, Мурад? Она ни на кого внимания не обращает. Она бродит по улицам, как неприкаянная, в обнимку с каким-то чемоданчиком...»

– А с кем же мне еще бродить? – усмехнулась Ольга.

– Сколько раз я приходил с работы, а тебя нет дома! Ты снова где-то бродишь! Даже чай не заварила!

– Зато тебе, по-моему, рады все чайханщики города, – парировала она. – Сидишь себе в чайхане до позднего вечера и в ус не дуешь...

(За окнами юго-западный ветер гнул деревья, волны выплескивались на берег. Чайки садились на карнизы и стучали в стекла клювами, словно моля о помощи.)

Газета отлетела в сторону. Мурад поднялся с кресла, подошел к Ольге и осторожно обнял ее за плечи.

– Возможно, ты права, – сказал он. – Мы мало уделяем внимания друг другу. Мы с тобой – два одиночества, все пытаемся слиться воедино, да никак не получается...

– Да, – согласилась она. – Возможно, ты и прав.

– Я дам тебе денег на кроссовки.

(Ветер стал утихать. Чайки успокоились, разбрелись по карнизам, стали причепуриваться.)

– Уговорил! – обрадовалась она. – Тогда я сейчас побегу на кухню и заварю тебе свеженький чаек!

– Об этом я сам позабочусь. Чай заваривать – мужское дело.

– Ты на что намекаешь? – без перехода взвилась она. – Что я неспособна даже на такую мелочь, как приготовление чая?!

– Я ни на что не намекаю, черт тебя подери, – ошетинился муж.

(Небо заволкло тяжелыми тучами. Сквозь два близко лежащих разрыва в тучах проглядывал свет, и это напоминало пару глаз, внимательно глядящих с неба. Чайка, сидевшая за окном, пронзительно вскрикнула, и этот вскрик уже мало напоминал голос птицы.)

– Этого не может быть, – загадочно изрекла Ольга.

– Что там у тебя еще не может быть? – хмуро спросил Мурад.

– Я встретила на прогулке дьявола в женском обличье. Он спросил у меня, верю ли я в Бога.

– Подходящий вопрос для дьявола, – хмыкнул муж. – Представляю, каков был твой ответ.

– Я просто дала понять, что не готова к подобным дискуссиям. За это мне обещали конец света.

- Как видишь, все сходится, – Мурад взглянул в окно.
- Мне не до шуток, Мурад. Мы вступили в поединок с самим дьяволом.
- Лично я не вступал, – отрезал муж. – Говори за себя.
- Подойди ко мне и скажи, что ты меня любишь, – заговорщицки прошептала

Ольга.

- Я, конечно, люблю тебя...
- Нет, не так. Ты должен подойти и обнять меня искренне.
- Ладно. Обниму тебя. Давненько я тебя не обнимал, кстати.
- Мурад стиснул Ольгу в объятиях и почти искренне поцеловал в щеку.

(По стеклу забарабанили капли. Намокшие чайки с любопытством заглядывали в окно.)

- Вот и долгожданный осенний дождь, – промолвила Ольга.
- За полдня погода сменилась трижды. Солнце, ураган, дождь...
- Ты тоже это заметил? – встрепенулась Ольга.
- А как же? Только это еще не конец света. К тому же газета – ц! – прошлогодняя. Я тебя просто разыграл.
- Ну, в таком случае признаюсь – и я тебя разыграла. Мне повстречался не дьявол, а просто сумасшедшая женщина. Такие часто ходят по улицам и пристают к прохожим с дурацкими вопросами. И вообще, кончай меня тискать и иди, ставь чайник на огонь...

Следующее утро выдалось ясным и чистым. Вдоль берега все так же бродили в обнимку и сидели, воркуя, мальчики и девочки. Все так же кружили над водой чайки, покачивались на волнах, ходили по каменному пирсу, нисколько не боясь людей, ожидая подачи.

Сегодня булки у Ольги не было. Зато на дне сумки лежало большое сочное яблоко. Ольга достала его, с наслаждением откусила от него. Она все так же наблюдала за парочками со смешанным чувством любопытства и нежности.

– Сегодня никто и ничто не испортит мне настроение, – пообещала Ольга самой себе. – В этот чудесный утренний час я буду всецело принадлежать лишь своим чувствам и своему воображению. И, может быть, даже набросаю что-нибудь.

Она раскрыла этюдник, установила его, вооружилась кистями и палитрой. Взглянула в морскую даль. Приготовилась нанести первый мазок...

- ...И тут, как гром среди ясного неба... За спиной у нее произнесли вкрадчиво: – Дорогая, а как вы относитесь ко второму пришествию?..

(Утки) Ступенька оказалась слишком высокой. В прежние времена такая ерунда мало волновала. А все потому, что в прежние времена Ольга редко совмещала походы в продуктовые магазины к променадми по Приморскому бульвару.

– Эй, молодой человек! Вы не могли бы мне помочь? Я, между прочим, к вам обращаюсь!

Высокий парень в модном пальто гордо шагал метрах в двух впереди, глядя перед собой. Иностраный турист, скорее всего. А может, и не турист, а свой, законпативший себе уши беспроводными наушничками. Такой, пожалуй, и через труп пешагнет, не заметив.

- Молодые люди-и! Парни-и-и!

Что за фигня такая? Еще немного, и она сама себя возненавидит.

И тут кто-то, подойдя сзади, осторожно потянул у нее из руки пакет с продуктами. Ольга обернулась. Не парень, нет. Седовласый мужчина лет пятидесяти. Улыбчивый.

Ольга отдала ему пакет, затем другой. Седовласый, придерживая женщину за руку, помог ей спуститься.

– Угадайте, в чем ваша ошибка, – весело сказал он.

– Ошибка?.. – от растерянности Ольга даже забыла поблагодарить мужчину.

– Вы ведь точно не преподаватель русского языка и литературы?

– Нет, да и слава Богу. Хотя иногда даю частные уроки живописи.

– Живопись – это великолепно.

– Ну, так в чем же моя ошибка? – напомнила Ольга, которой не хотелось так скоро расставаться с седовласым, да и любопытство взяло верх.

– Вы просили о помощи, не объясняя при этом, в чем она заключается. И все наверняка подумали, что вы просите подаяние.

– Какое еще подаяние? – возмутилась Ольга.

– Такой нынче пошел народец, – сокрушенно вздохнул собеседник. – Первым делом хватается за свой кошелек, а уж потом решает, помочь или нет.

Ольга посмотрела седовласому в глаза и неожиданно рассмеялась.

– Я рад, что развеселил вас, – галантно поклонился мужчина.

– Но вы же каким-то образом догадались, что мне надо просто преодолеть эту гнусную ступеньку и не расшибить себе лоб!

– Естественно, – улыбнулся мужчина. – Я же профессиональный спасатель.

– Серьезно? И многих вы спасли?

– Не верите? Давайте подойдем к краю, к самой воде, и полюбуемся на уток. Вы ведь этого хотели?

– Вообще-то... – замялась Ольга. – Да. У меня еще и булка имеется.

– Поберегите вашу булку! – внушительно сказал седовласый. – Это не те утки, что путаются под ногами. Это – благородные **кашкалдаки**, они же лысухи. Они вообще не утки.

– А кто?

– Они из семейства **пастушковых**. Гурманы – не только всякую зелень едят, но и моллюсков, и рыбешку, и яйца других птиц. Бывает, что отнимают пищу у уток и лебедей.

– Как интересно! – решила подыграть Ольга (расставаться с новым знакомым по-прежнему не хотелось) – Они такие милые. И совершенно не боятся что-нибудь себе отморозить. Плавают и плавают в холодной воде.

– Такой у них организм! – с пафосом сказал мужчина.

– А вы, должно быть, орнитолог?

– Я спасатель – вы забыли? И, – мужчина торжественно поднял указательный палец, – я посланник небес!

– ...Ну как, всех уток покормила? – иронически спросил муж.

– Нет, не всех, – печально ответила Ольга, пристраивая молоко в холодильник.

– Что-нибудьстряслось? – забеспокоился муж, уловив настроение Ольги.

– Да так, ничего особенного. Просто я встретила посланника небес.

– Спасателя? – как-то легко догадался муж. – Так это, должно быть, сосед, из пятого блока. Его недавно из психушки выписали.

– Странно.

– Ничего странного. Мир потихоньку сходит с ума. Вот тут, в газете, опять пугают концом света.

– Странно, что теперь только сумасшедший может протянуть руку помощи, – печально сказала Ольга.

– Тебе понадобилась помощь? – вновь забеспокоился муж.

– Ступенька была высокая, самой не спуститься.

– Позвала бы меня.

- Побоялась не докричаться.
- А ты по мобильнику.
- А дома забыла.
- Ну, знаешь! Вот украдут тебя – что я буду делать?!
- Украдут, – задумчиво повторила Ольга. – Забавно. И так заманчиво!

Над морем поднялось темное облако. Это были лысухи. Затем они выстроились ломким клином и полетели в сторону юга.

Ольга помахала рукой им вслед:

«Счастливого пути вам, качкалда-аки!»

(Псы) Их было шестеро. Один, почти щенок, не давал никому покоя, всех трепал за уши. Трое были ничем не примечательны – грязновато-желтого окраса и все, как один, шустрые. Постоянно заваливались на спину и подставляли пузо, предлагая немедленно почесать.

Пятый был здоровенным, с красивой темно-коричневой мордой и умными глазами. Свою огромную лапу он всем клал на колени, словно приветствуя, и как бы при этом спрашивая – не найдется ли чего вкусенького?

Но был в этой стае, освоившейся на побережье, еще один экземпляр... пес по кличке Мавр – целиком черный, если не считать коричневых бровей и кончиков лап. К людям он приближался с опаской, словно понимая, что им могут и побрезговать – пес был одноглазым. Не потому ли он всегда выглядел более одиноким, более неприкаянным, чем другие псы?..

«В чем же твоя вина?» – думала Ольга, касаясь шерсти Мавра кончиками пальцев, и от этого прикосновения пес благодарно замирал у ее ног, прикрывая единственный глаз. Другой глаз он потерял, по словам дворничих, в поединке с крупной вороной, когда пытался отстоять кусок кем-то выброшенной колбасы. Ворон на побережье развелось – пропасть, все наглые, и клювы у них будь здоров.

«Надо будет в следующий раз прихватить пакетик «Чаппи» с собой», – подумала Ольга далее. С костями и прочими остатками ужинов как-то неудобно прогуливаться по побережью. Да и остатков с каждым разом набирается все меньше и меньше. С тех пор, как Ольга овдовела, она твердо решила вести скромный и здоровый образ жизни. Не переедать и побольше двигаться, чаще гулять по побережью и дышать морским воздухом. А тут этот пес... привязался. Подышишь тут, как же.

И потом, что все-таки покупать – «Чаппи» или еще один моток цветных ниток?

...Вязание и плетение макраме стало для нее едва ли не единственным развлечением. Мужа не стало. Дом опустел. В нем теперь царила стерильная чистота. Кружевные занавески. И еще – полный шкаф связанных вручную свитеров. Ольга уже всех знакомых одела. Всех, у кого имелись дети и внуки.

А свитера все не кончались. Бордовые... розовые... цвета беж...

Для загородных походов. Для выхода в свет.

...Но, если подумать, – кто ее теперь выведет или вывезет? И куда?

Пожалуй, лучше об этом не думать. Какая разница, сколько тебе на днях стукнуло, если многие и многие завидуют твоему оптимизму?

Вот только спина и шея ноют оттого, что она вяжет и вяжет, не переставая, эти несносные – и в прямом и в переносном смысле – свитера...

Может, связать что-нибудь для Мавра?..

Неплохая идея. Ему, поди, сейчас несладко приходится на побережье. Холодно, слякотно. Небось, свернулись все собаки калачиками на газоне и не знают, куда девать мерзнущие носы.

А ведь она пообещала Мавру, что досыта его накормит.

Интересно, был ли когда-нибудь у этой псины хозяин? Энергичный, стройный. С бородкой. Капитан дальнего плавания.

Что-то она совершенно по-глупому размечталась.

Клубок покатился по полу, разматываясь на ходу. Спицы выпали из петель.

Берег как вымер. Ни людей, ни собак.

Ольга несколько раз прошла туда-сюда, окликая четвероногих по именам. Собственно, обладателем настоящего имени был лишь одноглазый Мавр. Остальных кликали кого как – Беянка, Лопухий и так далее.

Неужели их всех снесло в море мощным порывом ветра...

...вот как ее сейчас?!

...на какое-то мгновение Ольга перестала принадлежать самой себе. Перед глазами все завертелось. Потом небо слилось с морем, и горизонт стал тонуть вместе с Ольгой...

...Первым беду учуял черный пес Мавр. Он поднял морду и завыл. Потом трусцой пустился по кромке берега. Потом разбежался, прыгнул в волны и поплыл целеустремленно, по-собачьи перебирая лапами...

– Неплохой способ избавиться от одиночества, – ткнулся Ольге в шею мокрый собачий нос. – Но крайне неразумный.

И это было сказано человеческим языком!

– ...Молоток, Мавр! Отличный водолаз! Не забыл свою работу.

Человек с бородкой стоял на палубе – крепкий мужик с мускулистыми ручищами, которыми только кочергу узлом завязывать. Сейчас одной ручищей он трепал черного пса за ухом.

Мавр выглядел довольным. Он успел подставить свою шерсть тонущей женщине, и она ухватилась за нее и не пошла ко дну... а тут еще подоспели сильные мужские руки, подхватили ее, вытащили из воды...

– Ну что, романтическая попрыгунья, будем знакомы. С моим псом, как я понял, вы уже давно на «ты». Бережно он с вами обошелся...

Морской волк осторожно дотронулся до Ольгиной руки, выпростанной из-под пледа.

– А вот на моем плече до сих пор видны следы от его зубов... Разминулись мы с Мавром, – продолжал морской волк. – Я – в море, а он берег облюбовал. Друзей завел среди дворняжек. Но меня, как видно, ждал...

...да вот еще и хозяйку себе нашел...

История четвертая.
ЧЕРТИК С МОРСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ

САБИНА

...Итак, она собирается написать роман. Она решила высказаться, ВЫПИСАТЬСЯ.

Ей просто необходимо вспомнить всё, что происходило тогда с ней, девятилетней...

...Сабина летит в самолете вместе с родителями в город на берегу Черного моря. Она прижимает к себе самую любимую куклу. Потом Сабина поднимается по очень широкой, нескончаемой лестнице. Она все время спотыкается, почти не видя ступенек из-за слез, застилающих ей глаза. Но ее крепко держат за руку, приговаривая:

– Не плачь, чего ты так расстроилась? Это всего на три месяца. Ты даже не заметишь, как они пролетят. А когда тебя подлечат, тут же домой уедем... Зато здесь очень много ребят. Ты обязательно с кем-нибудь из них подружишься.

При словах «много ребят» Сабина начинает рыдать в голос. Ведь она одна у мамы с папой. Даже в детский сад никогда не ходила, в школу и то редко, и все из-за своей болезни. А тут – целое скопище детей, которых она уже заранее ненавидит.

Потом ее повели в душ незнакомые, не очень-то ласковые тётеньки в белых халатах – помыться с дороги. «На всех чужих тепла не напасёшься» – эта фраза, вскользь брошенная одной из тетенок, надолго врезалась Сабине в память.

Во время ужина Сабина выбрала столик у окна. В окно можно было видеть деревья, которые были чужими, и небо, которое тоже было чужим...и где-то там, за поворотом, скрылись родители. И тут перед ней поставили тарелку с полуостывшим пюре и бледной паровой котлетой. Бр-р-р, какая гадость! Дома-то все поджаривалось до золотистой хрустящей корочки.

Пышная блондинка с родинкой на скуле подошла к Сабине, на ходу запахивая белый халат, из-под которого виднелось обычное платье:

– Ты что ж это, золотко, ничего не ешь? Тетя Маня, наша повариха, старалась, готовила для вас, а вы, неблагодарные... Вон, гляди, как мой Олежка уплетает!

Сабина поглядела на мальчугана, которого почему-то кормили с ложки. А он добросовестно ел и при этом ухитрялся веселить окружающих детскими анекдотами. Сабина перевела взгляд на руки мальчугана...и ее чуть не стошнило.

...Тебя все любили. Ты был особенный. Ты знал много анекдотов, страшилок, интересных историй... Без помощи рук ты запрыгивал с пола на парту и даже на подоконник. Тебя никогда не наказывали. И рядом с тобой всегда была мама. А рядом со мной не было никого. Мне могли плюнуть в кружку с чаем, толкнуть сзади. Лишь ты один не дразнил меня. Своих обидчиков ты пинал ногами или кусал до крови... Как я боялась твоих неразвитых рук! Мне казалось, что если ты прикоснешься ко мне, то на меня неминуемо перейдет твое уродство. Ты во всем добивался справедливости. Я и сейчас готова кричать на весь белый свет, что не совершала того гнусного поступка, за который ты пытался тогда меня наказать...Слышишь?! Как могла я, глупая, напуганная до смерти, объяснить тебе всё тогда?! Как?..

ВУГАР

– О, Господи! Что же ты так кричишь?! – в дверях появился Вугар с подносом.

– Я не кричу, я пою, – Сабина потянулась. – Я опять вся в прозу ушла.

– Лишь бы проза в тебя не ушла. Слышала, надеюсь, что сказал один умный человек: «Если долго заглядывать в бездну, то рано или поздно бездна заглянет в тебя». И вообще, дорогая моя романистка, тебе пора перекусить. Уже четвертый час. Вот бутерброд с колбасой и твой любимый кофе...или твое любимое кофе, уж не знаю теперь, как и правильно.

– Правильно всё-таки будет «твой любимый», – Сабина приняла поднос. – Между прочим, колбаса с кофеом – очень вредное сочетание.

– Вредно – это если подлить в кофе цианистый калий, – Вугар ткнулся носом жене в затылок, поцеловал ее в шею. Она полуобернулась, взглянула в его бархати-сто-карие глаза:

– Шутки у тебя грубые, любезный мой супруг.

– Да и ты не всегда ласкова, пупсик мой.

– Разве? Твоя мама, например, считает, что я – сама кротость и добродетель.

«Она принимает за кротость остатки моей закомплексованности, – мысленно договорила Сабина. – А во мне скачут чертики... вроде тех «морских чертиков» – пухлых квадратных пакетиков чёрного цвета с рожками по углам...откуда они брались и что из себя представляли – для меня до сих пор загадка. Их много было рассыпано по черноморскому побережью, и детвора любила собирать их. А я почему-то жутко их брезговала...»

Я обязательно должна написать то, что задумала...Ты это прочтешь, и ты обязательно откликнешься. Ты НЕ СМОЖЕШЬ НЕ ОТКЛИКНУТЬСЯ.

– Кстати, – прервал ее размышления Вугар, – ты не забыла, что сегодня вечером мы с тобой идём в ресторан? Наденешь своё платье, оно просто великолепно, ты в нем такая...все обзавидуются. Ты у меня будешь древнегреческая богиня. Нефертити. Ева!

– Не слишком ли много для меня одной?

...Это маленькое черное платье с гипюровой вставкой – подарок свекрови – Сабина недолюбливала. Может, оттого, что свекровь всё время повторяла одно и то же: «Ну и когда же ты нас внуком порадуешь? Хотя бы прибавь в весе для начала. И не сиди так много за компьютером». Ну уж нет! Она такая, какая есть. И никогда не растолстеет до безобразия. А с компьютером она расстанется тогда, когда закончит свой единственный шедевр.

САБИНА (ДЕТСТВО, САНАТОРИЙ)

Старшая медсестра и воспитательница спорили с главврачом.

– Вы хоть отдаёте себе отчёт в том, что произошло? – прошипела воспитательница. – Вы хоть представляете, что поднимется, если эта пигалица кому-нибудь пожалуется?

– А вы от нее хоть одно внятное слово слышали? – парировала главврач.

– Нет, – вмешалась медсестра. – Она совершенно ни с кем не дружит. Сядет в угол со своей куклой и смотрит на всех бурундуком. Их у нас много, каждый со своей неврастенией... На то они и здесь. Чтобы учиться стоять за себя, а не падать в обморок. Подумаешь, мальчики стащили с девочки штанишки...так ведь они ее наказывали за воровство!

– В обморок эта пигалица упала от голода, – хмуро сказала воспитательница. – Она отказывается есть. Уже и манную кашу заменили гоголь-моголем – нос воротит...

– Мы пытались накормить её насильно, – осторожно призналась медсестра. – Не получается. Так и брызжет слезами.

– Значит, будем писать родителям, – решительно сказала главврач. – В Баку. У них там, наверное, все такие закомплексованные. Кавказское воспитание, ничего не поделаешь.

...С чего всё началось?

Сабина полезла в тумбочку и не обнаружила там своей куклы. В это время в палате никого не было, кроме одной «неходячей» девочки, все остальные смотрели телевизор в зале. «Неходячая» молча наблюдала со своей койки, как Сабина открывает все подряд тумбочки, переворачивает подушки, заглядывает под кровати...

– И чего так переживать из-за какого-то пупсика? – сказала, наконец, девочка.
– Напиши письмо маме, она тебе нового купит.

– Ты не видела, кто взял? – спросила отчаявшаяся Сабина.

– Я не видела. Спроси у тётки Дуси.

Тётя Дуся, ночная нянечка, была добрая, иногда приносила из дома конфеты для девочек. Зачем бы ей понадобилось забирать с собой чужую куклу?

– Тогда у мальчишек поищи, – посоветовала «неходячая».

И как Сабина сама до этого не додумалась? Мальчишки несколько раз, дразнясь, вырывали у неё куклу. Жаловаться взрослым не имело смысла. Воспитательница всего лишь погрозит пальцем и всё. Мальчишковая палата находилась по соседству, за стенкой. Но как туда войти? Она же просто от стыда сгорит.

– Да смелее ты, – напутствовала «неходячая» – Не стесняйся. Принесёшь мне вафлю из пацанской палаты, а я тебе скажу, у кого твой пупсик.

И Сабина решилась...

...– Я поймал вора! Тарлан, быстрее, сюда! Полюбуйся, кто тырит твои посылки, – за спиной у Сабины вырос Олежка, кривя рот в не по-детски жестокой ухмылке. – Пока я здесь, эта мелюзга никуда не убежит. Давай научим её уважать старших.

Тарлан – черноволосый мальчик, крупный, но слишком добрый, он никогда ни с кем не дрался... Сабина легко могла его оттолкнуть и выскочить из палаты, но... у двери стоял Олежка.

Мне стало страшно, как никогда. Я не знала, какое наказание ты придумал мне за поступок, которого я не совершала. ВЕДЬ Я НИКОГДА НЕ БЫЛА ВОРОВКОЙ!

...А тем временем в палату ворвались другие мальчишки, и ты мог повелевать ими, ведь ты был авторитетом для всех.

ЧТО Я ТЕБЕ СДЕЛАЛА?..

Я не собиралась тебе мстить. Ни до этого случая, ни после. Я понимала, что это такое – МСТИТЬ, тем более, ТЕБЕ. Но так уж получилось. ТЫ ПРОСТИЛ МЕНЯ?

...Был солнечный летний день. Всю ребятню перевели в летний корпус санатория. А ты, сопя и пыхтя, строил песочный замок, усердно поливая его водой. Тебе это давалось нелегко. Твой кропотливый труд оберегала твоя мама. Она очень тебя любила. Впрочем, тебя любили все.

Я прошла своими сандалиями по твоим башенкам и крепостным стенам, потом ещё раз и ещё, вдоль и поперёк, бросая тебе в лицо комья песка. А потом я стояла в стороне, равнодушно наблюдая, как ты бьешься в истерику, плачешь, кричишь, что я тебе всё разрушила...Внешне я была равнодушной, но внутри – ликовала!

МЯТАНАТ

Ветер развеивал её густые чёрные волосы без малейшего признака седины. Глаза её блестели при мысли о предстоящей гастрольной поездке. Она – АКТРИСА. Очень талантливая. Об этом беспрестанно твердил ей главный режиссёр драматического театра. Он смотрел на неё как кот на сметану, только что не облизывался. Но ведь ради главных ролей приходится иногда и жертвовать собой... Погружённая в свои мысли, Мятанат свернула в какой-то пустынный переулочек и наткнулась на цыганку, сидящую прямо на асфальте. Рядом крутилась маленькая чумазая девочка.

– Не пожалей мелочи, милая, – сказала цыганка. – Ребёнку на хлеб будет.

– Не пожалею, – Мятанат вложила цыганке в руку целый манат. – Я сегодня счастливая.

Неожиданно цыганка поднялась с земли и пошла следом:

– Постой, милая, не торопись. У меня есть, что сказать тебе...

– Погадать хочешь? – улыбнулась Мятанат, протягивая руку ладонью кверху.
– Не нужна мне твоя рука. Я всё читаю в твоих безумных глазах.
– Вот как? И что же ты в них углядела? Вот интересно!
– Было время, когда ты собиралась в дальнюю дорогу, – серьёзно сказала цыганка. – Твои родные отговаривали тебя от легкомысленного поступка. Будущая свекровь чуть было не прокляла тебя.

Мятанат опешила. Непостижимо, но цыганка сказала правду!

– Откуда ты всё это знаешь? – вырвалось у Мятанат.

– Я же сказала – всё это написано в твоих глазах...

– А что там насчёт будущего, в моих глазах?

– Ждёт тебя ещё одна дорога к успеху, ты предчувствуешь её, но... Не садись в машину к безрукому блондину, не поддавайся его обольщению! Вот, смотри, я взяла нитку с твоего чёрного пальто... Видишь, как она крутится в моей руке, словно дорожка, которая обрывается прямо в кювет?

Мятанат нервно расхохоталась:

– Тебе бы ведьму в нашем спектакле сыграть!.. Слушай, я девушка порядочная, ни в какие машины ни к кому не сажусь... Надо же – безрукий блондин....

Мятанат оторвалась от цыганки и вошла в первое же подвернувшееся помещение. Это оказался книжный магазин.

– Девушка, вы что-то хотели? – обратилась к Мятанат продавщица.

– Что я хотела?... – задумчиво произнесла Мятанат. – А, ну да, я хотела какой-нибудь психологический роман...

– Посмотрите вот на этой полке. Здесь у нас новинки.

– Спасибо.

Мятанат пошла вдоль полки, перебирая корешки книг. Наугад вытянула «покетбук», взглянула на обложку. **Сабина Ахвердиева. ЧЁРТИК С МОРСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ.** Надо же, какое совпадение! Их драмтеатр как раз собирался ехать на гастроли в город на берегу Чёрного моря. Будет, что почитать в самолёте...

САБИНА

«Сабина!» – позвал её чей-то голос. Она обернулась. Никого. Только доносились откуда-то едва слышная музыка. Легкий морозец забирался под модную дублёнку, холодит ноги сквозь сапожки. Сабина пошла дальше. И вновь услышала, как кто-то невидимый назвал её по имени, словно стараясь взять на испуг. Тогда она побежала, минуя автобусную остановку. Споткнулась, но не упала – чьи-то руки подхватили её, помогая сохранить равновесие. Сабина не сразу и поняла, что это – её муж.

– Что с тобой происходит, мой пупсик? – спросил он после того, как они уселись в тёплое нутро машины.

– Мне показалось, что за мной кто-то гонится...

Вугар поморщился, трогая с места:

– Слушай, по-моему, ты достаточно насмотрелась в бездну. Ты нагоняешь на себя страх своими же собственными произведениями!

– Ты предлагаешь мне перестать писать?

– Вовсе нет. Если ты без этого уже не можешь – пиши. Но если тебя что-то мучает – давай обратимся к хорошему психотерапевту. У меня есть один на примете.

– Ах, у тебя уже есть...И давно ты считаешь свою жену сумасшедшей?

– Не придирайся к словам, – сердито сказал Вугар и замолчал.

Разговор продолжился дома.

– Знаешь, – сказал Вугар, – я читал где-то про одного американского психиатра,

который лечил страхи у своих пациентов, предлагая им рисовать. Одни рисовали взорванные дома, другие – гробы на колёсиках... Это я так, к примеру, – поспешно сказал он, поймав взгляд жены. – Да, и потом каждый пациент рвал свой рисунок в клочки под общее веселье. И таким образом избавлялся от своего страха...

– Я не умею рисовать, – холодно ответила Сабина. – И мне это, думаю, не поможет. Просто во мне погибла...

– ...великая поэтесса и великая актриса, – закончил за неё муж. – Песня не нова. Знаешь, и ты ведь пока что ничем особенным меня не осчастливила. И, возможно, во мне тоже погиб великий философ и мыслитель. Кто я сейчас? Средней руки бизнесмен, на которого даже пули жалко...

– Я тебя предупреждала – я не из тех жён, которые со всех ног бросаются заваривать чай, стоит лишь на пороге показаться друзьям мужа или его родне...

– Да кто тебя об этом просит! – неожиданно взорвался Вугар (Сабина испуганно отшатнулась – никогда до этого муж не повышал голоса). – Я прихожу домой уставший, голодный, и застаю свою жену в обнимку с компьютером...

– Ты чем недоволен – что это компьютер, а не кто-то другой? – попыталась пошутить Сабина.

– Я недоволен тем, – не принял шутки муж, – что я, вместо долгожданного ужина и ласки, ещё и сам вынужден заваривать тебе кофе и сооружать бутерброды! При этом я должен угадать, сколько ложек сахара тебе по вкусу...

– Ты абсолютно свободен от меня... – Сабина справилась с испугом и начала злиться.

– Знаешь, – Вугар успокоился так же внезапно, как и вспылал, – ты бойся этих своих слов. А то я ведь могу и воспользоваться возможностью...

– И что? – горько улыбнулась она. – Хочешь напугать меня одиночеством? Скажешь, что просто пожалел меня семь лет назад?

Вугар молча вышел из комнаты и больше не появлялся.

...Ну, всё. Теперь ты точно догонишь меня, взбешённый тем, что я разрушила твой замок. И запинаешь меня ногами...

...но ничего этого не случилось. Ты повёл себя совершенно иначе. Я словно бы перестала для тебя существовать. Тогда я начала из кожи вон лезть, чтобы установить с тобой контакт, но ты В УПОР МЕНЯ НЕ ЗАМЕЧАЛ. Преодолев брезгливость, я гладила бездомных котят, которых ты прижимал к своей груди, перетаскивая их с места на место. Я срывала наклейку с твоего шкафчика. Завязывала узлом твоё полотенце. Это продолжалось до тех пор, пока твоя мама не объяснила мне, что ты меня ЖАЛЕЕШЬ. Иначе всё обстояло бы намного трагичнее.

Но как-то раз я откинула своё одеяло и увидела на своей подушке «морского чёртика». Он произвёл на меня такое же впечатление, как и твои руки. Хотя я не была полностью уверена, что эту ДЖАДУ, порчу, подложил мне именно ты. Ты всегда поступал открыто. Я заорала так, словно меня резали...

ЭЛЯ

И в детском саду, и в школе, и во дворе – стоило кому-нибудь из ребят назвать Олежку уродом или сказать что-либо оскорбительное о его руках – Эля тут же бросалась в драку. За это вызывали в школу маму. Папы у них давно уже не было. Вместо него был старший брат – Олежка. Постепенно к Эле перестали приставать с дурацкими расспросами. С ней и на обычные-то темы заговаривать не решались, отчего Эле становилось одиноко и тоскливо.

«Зато у меня есть брат, – утешала себя девочка. – самый умный, самый сильный, самый красивый! А у них у всех такого брата и не будет никогда!» В старших классах Эля часто сбегала с уроков и мчалась в университет, чтобы накормить Олежку бутербродами. После школы она кем только ни работала – от санитарки до швеи на дому – лишь бы оплатить любимому Олежке курсы иностранных языков, к которым он имел большие способности. И чтобы он был стильно одет. И чтобы у него был специальный радиотелефон, сделанный на заказ, – на всякий пожарный случай. В гостях Эля сидела рядом с Олежкой, подкладывала ему еду в тарелку, своими руками поила из фужера. Пусть окружающие думают, что хотят. Эля и не заметила, как сделалась служанкой, даже рабой своего брата. О своей личной жизни она задумывалась изредка, проснувшись среди глубокой ночи. А всё остальное время она думала о брате и действовала для брата. Эля сопровождала Олежку на все его свидания и сильно ревновала его к девушкам – правда, знакомства Олежки с ними всегда быстро заканчивались. Уж больно он был напорист и агрессивен. Правда, это помогало ему делать успешную карьеру.

По малолетству Эля не могла знать, что произошло тогда, на берегу Чёрного моря, между Олежкой и Сабиной. Сейчас Эле казалось странным, что её брат всегда выбирает себе темноволосых подружек, с тёмными и обязательно миндалевидными глазами, в глубине которых мерцает отблеск пережитой жизненной трагедии... особенно это касалось его последней девушки, которую звали Мятанат – какое необычное имя!

Недавно Эля стала невольной свидетельницей того, как её брат вместе с девушкой садится в свои вишнёвые «Жигули». Он прекрасно справлялся с управлением, помогая себе грудью и подбородком, и имел специальное разрешение на вождение автомобиля. Правда, сейчас, после победы на муниципальных выборах, Олегу полагалась новая, более солидная машина и личный шофёр впридачу.

«Что-то странное творится с моим братцем», – думала Эля, вытирая пыль в рабочем кабинете Олега. Она нечаянно столкнула кейс, стоявший на краю стола. Кейс раскрылся, разлетелись по полу бумаги, вывалилась какая-то пухлая книжка... Эля подняла её. **«ЧЁРТИК С МОРСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ.» Психологический детектив.** Вот фото автора... такая же темноволосая и миндалевоглазая, как и все Олеговы подружки. Эля собрала бумаги, положила их в кейс, и рука её наткнулась на какой-то предмет. Это был длинный нож, завёрнутый в бумагу.

– Чего ты роешься в моих вещах! – заорал внезапно появившийся Олег. Эля вскочила и испуганно попятилась. – Опять машешь салфеткой в моём кабинете!

Олег был в бешенстве. Таким его Эля ещё никогда не видела. Имей он нормальные руки, наверняка бы влепил сестре пощёчину. Но он лишь наклонился, ловко схватил нож зубами и выдернул его из рук сестры.

МЯТАНАТ

...Она пришла в себя, лёжа на больничной койке с перевязанной головой, с трубками, торчащими из носа. Рядом на стуле сидел её жених и держал её за руку.

– Это ты? – прошептала Мятанат. – Как ты?...

– Молчи, – сказал жених. – После обо всём поговорим. Самое главное – как выглядел этот подонок?

ОЛЕГ

– Не нужно ли господину чем-нибудь помочь? – молоденькая стюардесса деликатно поглядела на руки странного пассажира.

– Господину нужно, чтобы его оставили в покое, – последовал холодный ответ. Стюардесса обиженно пожала плечами и отошла.

Он летел в командировку. В Баку. Странная командировка. Даже себе самому он не решался признаться в истинной причине этой поездки.

...Надо же, эта маленькая дрянь стала писательницей! И героем своих бездарных романов сделала именно его! То он, по воле автора, танцует стриптиз в каком-то дешёвом баре. То совершает убийство, расчленяет женский труп и зарывает его в песок...Потом за ним приходит, видите ли, субмарина и утягивает его на дно морское. А в субмарине невесть откуда взявшиеся черти гоняются за ним по всем отсекам... Полная бредятина! Он подозревал, что у крошки не всё в порядке с психикой, причём, наверное, с самого детства.

«А может, – мелькнула вдруг мысль, – а может, она настолько влюблена в меня, что желает быть униженной и вконец растерзанной мною? Ведь у таких психопатов часто не разберёшь, где любовь, а где ненависть. Что ж, раз она напрашивается... Я сделаю с ней то, что не смог сделать с ней тогда, в детстве, на морском берегу...Иначе...» Иначе – что? Он так и будет расправляться со всеми, кто хоть сколько-нибудь похож на эту маленькую сучку? А после...после он покончит с собой.

ЗНАЧИТ, ТЫ – ТРУС? ВЕДЬ ТОЛЬКО ТРУС СТРЕМИТСЯ РАСПРАВИТЬСЯ С ЖЕНЩИНОЙ, ЗА КОТОРОЙ ПО ПЯТАМ ГОНИТСЯ ЕЁ СОБСТВЕННОЕ ПРОШЛОЕ...

ОЛЕГ

ОН настиг Сабину у входа в офис, когда она возилась с замком. Сабина узнала его сразу. Хищная улыбка тонких губ, прищуренный взгляд серых глаз, почти белые вьющиеся волосы. Высокий, широкоплечий, он показался Сабине сногшибательно красивым. Вообще-то блондины никогда ей не нравились – из-за характерного цвета кожи. Но вот ЕГО это нисколько не портило. Сабина не удержалась и глянула на ЕГО руки в кожаных, наверняка сшитых на заказ перчатках...

– Ну что, так и будем торчать у всех на виду? Или всё-таки пригласишь войти? – он, как всегда, был решителен и напорист.

– Да-да, входи, конечно, – растерянно сказала она и вошла в офис. Он последовал за нею.

– Ты не бойся, я ненадолго. У меня кое-какие дела в вашем городишке. Неожиданно увидел тебя. Решил задержаться. Ты мне не рада?

– Рада, – неуверенно ответила Сабина. – Осторожно, тут порог...Погоди, сейчас я свет включу...

Под потолком загорелись лампы, освещая комнату с двумя столами, компьютерами и разбросанными папками. У Сабины напрочь вылетело из головы, с какой целью она заглянула в офис своего мужа в воскресный день. Взять какие-то бумаги? Скопировать какой-то файл? Или покормить хомячка? Поссорившись с женой, Вугар уехал на три дня и даже не сказал, куда. Однако оставил ей поручение, которое она сейчас тщетно пыталась вспомнить. Поручение, скорее всего, должно было отвлечь жёнущку от всяких пагубных мыслей.

– Присаживайся, где тебе удобно. Чай, кофе? – Сабина улыбалась, но в душе у неё царило смятение. ЕГО молчание... И плотная чёрная куртка с капюшоном... И то, как он уселся на один из столов, ловким движением бедра отодвинув папки... Всё это вызывало какое-то смутное беспокойство.

– Не парься, – сказал Олег. – Тогда всё было намного проще, не так ли?

Совершенно неожиданно он резко развернул Сабину лицом к себе и крепко зажал её между коленями.

– Но кто виноват в том, что всё это время мы только и делали, что думали друг о друге? – свистящим шёпотом спросил он. – Тогда, разрушив мой песчаный замок, ты меня кое-чему научила. Ты научила меня строить и создавать, несмотря ни на что. Несмотря на то, что другие пытаются разрушить всё, что ты построил. Тогда это был всего лишь-навсего замок из песка. Потом всё стало намного сложнее...

– Пусти, мне больно, – прошептала она, чувствуя, что вот-вот потеряет сознание. «Теперь-то уж точно он сделает со мной всё, что захочет», – подумала она. Но Олег ничего не делал. Пока ОН просто говорил.

– Ты не знаешь, что такое настоящая боль. А я знаю. Если тебе, как и прежде, противны мои руки, то я исчезну из твоей жизни. Но перед этим тебе придётся выслушать меня. Наверное, ты примерная жена. Вот только детей у вас нет. Я знаю, на Востоке это считается трагедией. Как видишь, я навёл о тебе кое-какие справки. Я даже могу предположить, почему у вас нет детей. Потому что, ложась в постель с **НИМ**, ты думаешь только обо **МНЕ**. Я прав?

– Да. Нет! Ты доволен? Отпусти меня! – от такого хамства Сабина не только пришла в себя, но и порядком рассвирепела.

Олег усмехнулся, разжал железную хватку коленей.

– Извини, – сказал он. – Но тебе всё же придётся выслушать меня до конца. Дело даже не в твоих романах. В них ты измываешься надо мной, как тебе вздумается. А я с самого детства привык доказывать, что я не хуже других, а лучше. Я доказывал это, когда от нас ушёл отец. Я не сломался, когда умерла моя мама...

– Но я ведь ничего этого не знала! – попыталась защититься Сабина. Он досадливо дёрнул щекой и продолжал:

– Меня бросали все, кого я любил. И все боялись, что в нашу интимную жизнь станет вмешиваться моя сестра. Однажды я увидел тебя. Ты шла по набережной моего города. Нашего **с тобой** города. Я предложил тебе сесть в мою машину. Ты согласилась, хоть и не сразу.

– Это была не я... – прошептала Сабина, слабея.

– Да, это была не ты. Но в сумочке у той, которая так напомнила мне тебя, оказалась твоя книжонка. Эта дура начала хвастать – вот, мол, как у нас про вас написали...И тут на шоссе что-то промелькнуло. Я так и не понял, что это было – животное или ребёнок... Впервые в жизни я не справился с управлением. Машина резко вильнула, к тому же дверь с твоей стороны...то есть, с её стороны – оказалась плохо запертой... Это был несчастный случай. Тогда я решил, что все мои беды – из-за тебя.

– И чего же ты от меня хочешь? – она не в силах была оторвать взгляда от ЕГО глаз.

Ответить ОН не успел. В «предбаннике» послышался какой-то шум. В следующее мгновение в комнату ворвалось несколько мужчин. Сабина ахнула. Чьи-то руки стремительно отодвинули её в сторону. А Олега схватили сразу двое, стащили со стола. Он не сопротивлялся. Когда его выводили, он улыбнулся ей на прощание и сказал: «Продолжай писать»

Потом в комнату вошёл Вугар. Стал перед женой.

– Это был он? – негромко спросил Вугар.

Сабина молча кивнула. Сказать что-либо не было никаких сил. По её щекам текли слёзы.

– Что ж, пошли домой, романистка ты моя, – муж обнял её за плечи. – На сегодня рабочий день закончен. Тебе ещё показания давать...Не плачь. Можешь на своём персонаже поставить точку. Всё у нас с тобой будет хорошо...